

гуманистические идеалы и сегодня оказывают влияние на формирование мировоззрения современного китайского общества и образовательных моделей.

Список использованной литературы

1. Лу Сюнь. Утренние цветы, сорванные в сумерках / Лу Сюнь. – Пекин : Изд-во народной литературы, 1979. – 107 С. / 鲁迅—《朝花夕拾》/ 鲁迅—北京.人民文学出版社, 1979. -107 页
2. Лу Синь. Утренние цветы, собранные вечером / Лу Синь // Собрание сочинений: в 4 т. / Лу Синь. – Сост. Л. Д. Позднеева; под общ. ред. В. С. Колоколова, К. М. Симонова, Н. Т. Федоренко. – Т. 3. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1955. – С. 7 – 78.

В. Ю. Назаренко,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ГЕРОЕВ В КИТАЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЕ ШРАМОВ» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛУ СИНЬХУА, ЧЖАНА СЯНЛЯНА И ШАО ХУА

Аннотация. Статья посвящена духовным исканиям героев в китайской «литературе шрамов», являющейся творческой реакцией авторов на события «культурной революции» 1970-х – 1980-х гг. Особое место в исследовании отведено художественным особенностям произведений «литературы шрамов»: психология предательства, мотив одиночества, мотив физического и нравственного истощения, проблема «трудового перевоспитания» и последующей реабилитации личности, а также особенностям изображения духовных исканий героев в области психологизма.

Ключевые слова: духовные искания; китайская проза; литература шрамов; Лу Синьхуа; современная китайская литература; Чжан Сянлян; Шао Хуа.

V. Y. Nazarenko,

Master Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

SPIRITUAL SEARCHES OF HEROES IN THE CHINESE «SCAR LITERATURE» ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF LU XINHUA, ZHANG XIANGLIANG AND SHAO HUA

Abstract. The article is devoted to the spiritual quest of the heroes in the Chinese «Scar Literature», which is the creative reaction of the authors to the events of the «Cultural Revolution» in the 1970s – 1980s. A special place in the study is given to the literary features of the «Scar Literature»: the psychology of betrayal, the motive of loneliness, the motive of physical and moral exhaustion, the problem of «labor reeducation» and subsequent rehabilitation of the individual, as well as the peculiarities of depicting the spiritual quest of the heroes' psychology.

Key words: spiritual quest; Chinese prose; «Scar Literature»; Lu Xinxua; modern Chinese literature; Zhang Xiangliang; Shao Hua.

Ведущей литературной тенденцией 1970-1980-х гг. в Китае является «литература шрамов», целью которой было изображение ужасов и бедствий «культурной революции». Выделяют несколько направлений: «деревенские», «городские» и «детские шрамы» [1]. Несмотря на смысловую глубину и эмоциональность этих направлений, многие критики считают, что «эстетическая ценность данных произведений невелика: примитивный сюжет, линия повествования обрывиста, а критика груба и неприкрыта. Но тому были свои

причины: во-первых, острая необходимость выговориться (форма изложения в данном случае не играла главной роли) и, во-вторых, снижение общего уровня эстетического восприятия литературных произведений в Китае» [1].

Произведения «литературы шрамов» можно рассматривать как критику противозаконности политической системы, и поэтому внимание писателей в меньшей степени было обращено к человеку и его переживаниям. Герой всегда оказывается в безвыходном положении, его моральные и физические силы на исходе, он утрачивает связи с действительностью, его установки как личности обесцениваются. Герои таких произведений всегда переживают страх, отчаяние, потерю ориентиров в жизни. Реалистичность «литературы шрамов» достигается подробным описанием жестокости, произвола. Для писателей данного направления характерно изображение разрушения семейных отношений, отчуждение людей, потеря ценностей. Предательство и психология предательства – актуальные проблемы данного направления, так как из-за страха многие отрекались от близких, коллег и друзей.

В произведениях герои предпринимают попытки ответить на вопросы, касающиеся поиска новых ориентиров, пытаются принять новую реальность и, в условиях утратившей влияние философии моизма, определить для самих себя, что есть хорошо, а что плохо. Авторы впервые обретают возможность приоткрыть внутренний мир героев, исследовать его чувства и переживания, поиски истины.

К произведениям данного направления относятся рассказы Лу Синьхуа «Шрамы» (卢新华 «伤痕», 1978), Чжана Сянляна «Душа и тело» (张贤亮 «灵与肉», 1980), Шао Хуа «Письмо» (邵华 «上书», 1980).

В рассказе Лу Синьхуа «Шрамы» автор изображает разрыв семейных отношений (дочери и матери) в результате событий «культурной революции».

Главная героиня рассказа – молодая девушка Ван Сяохуа возвращается в родной город Шанхай: «Девять лет назад Ван Сяохуа покинула свой дом, «отмежевавшись» от родителей, в первую очередь от матери» [5]. Мать девушки бунтари «культурной революции» называют предательницей революции, тем самым обвиняя её в государственной измене, и заставляют писать саморазоблачительные письма. Данное событие сказывается на дальнейшей жизни девушки: от неё отвернулись друзья, её не берут в ряды хунвэйбинов: «Ей казалось, что ее собственное «чистое лицо» покрылось «шрамами, как у прокаженной» [5], «ей было отказано во вступлении в союз молодежи, а у ее возлюбленного <...>, возникли сложности с работой в бюро пропаганды» [5]. В итоге девушка была вынуждена сосредоточиться на обучении детей в школе, что стало её единственной отдушиной жизни.

Автор намеренно указывает в тексте период «отмежевания» девушки от родителей: с 1969 по 1977 годы – годы «культурной революции». И именно после окончания этого трагического периода, девушка решает прочитать письма, которые писала ей мать (после разгрома группы высших руководителей КПК). В последнем мать пишет о своей реабилитации, плохом здоровье, а также просит дочь вернуться домой. В прочитанное девушке удаётся поверить не сразу, однако думая о возвращении, она была «взволнована и радостна, но и страдала и мучилась» [5].

«Шрамы» в тексте имеют два символических значения: первое, шрамы «моральные» (ими было покрыто «чистое лицо» главной героини, это шрамы, нанесённые «культурной революцией»). Второе значение – шрамы физические (которые мать девушки получила в результате пыток и страданий).

Автор не акцентирует внимание на эмоциональных переживаниях девушки, что делает данную трагедию, на первый взгляд, недостаточно глубокой. Именно поэтому всецело ощутить переход героини от ненависти до искренней любви к родной матери и желанию увидеться вновь проблематично. Лу Синьхуа включает детективные эпизоды и неожиданные повороты сюжета, то есть подходит к проблеме исключительно формально-содержательно, не углубляясь в раскрытие мотивов героев. Кроме того, финальный эпизод рассказа вновь оказывается идеологически и политически выдержанным. Девушка клянётся душе матери в том, что «никогда не забудет, кто оставил шрамы в их сердцах» [5] и «всю жизнь посвятит делу партии» [5].

Не даёт автор также и внешнего описания женщин. К описанию обеих героинь можно применить

понятие «трафаретности», что было свойственно в изображении литературных героев в произведениях, созданных в период с 1949 года и до 1976 года.

Но следует отметить, что психологизм в рассказе всё же присутствует и заключается непосредственно в отношениях дочери и матери. Гармония в отношениях настолько хрупка, что ошибочное обвинение матери в государственной измене воспринимается дочерью как истина. Их кровное родство не воспринимается как нечто серьёзное, что способно заставить девушку усомниться в возможности государством допустить ошибку. Трагедия двух родных людей, разлученных почти на десятилетие, отречение ребёнка от матери, а также осознание главной героиней своей ошибки – Лу Синьхуа всё это собирает в обвинение против деятелей «культурной революции».

Особое место в данном произведении отведено духовным исканиям героини. Когда мать девушки умирает, Ван Сяохуа начинает задаваться вопросом: «стоило ли оно того»? Таким образом, автор пытается приоткрыть внутренний мир героини. На первое место он выводит вопрос отношений дочери с матерью, их ценность и роль ошибки, которая привела к необратимым последствиям.

Несмотря на эмоциональный фон, китайские литературные критики отмечали, что для произведений «литературы шрамов» были характерны высшая точка боли, которую испытывают герои в осознании трагедии «культурной революции», и «светлая концовка», что также изображено в рассказе: Ван Сяохуа жестока по отношению к матери, что противоречит концепции «сыновьей почтительности», но девушка уходит из дома, игнорирует письма и те страдания, которым мать ошибочно была подвержена. Таким образом, раскрывается психология предательства: доверие по отношению к партии у главной героини, как и у большинства молодёжи времён «культурной революции» было велико настолько, что вытесняло из сознания молодых людей не только близких, но, в некоторых случаях, и собственное Я. В конце героиня отправляется в неоновый свет улиц, что можно трактовать, как символ светлого будущего.

Рассказ Лу Синьхуа «Шрамы» был первым, относящимся к «литературе шрамов», таким образом автор впервые предпринял попытку правдиво рассказать о личных трагедиях, пережитых китайским народом.

Рассказ Чжана Сянляна «Душа и тело» уникален тем, что был написан на стыке двух литературных направлений: «литературы шрамов» и «литературы дум о прошедшем».

Главный герой рассказа – пастух Сюй Линцзюнь, мужчина средних лет. Отец отказался от него, когда тот был ещё ребёнком в пользу новой молодой жены, и эмигрировал из Китая: «В последний раз отец с сыном виделись 30 лет назад в Шанхае. Мальчиком он пришел к отцу с просьбой вернуться в семью, когда мать тяжело заболела. Но отец ответил отказом и вскоре эмигрировал за рубеж <...>. Мать умерла, и Сюй Линцзюнь остался сиротой» [3]. Таким образом, данный рассказ имеет две временные плоскости: настоящее (время встречи с отцом) и прошлое, выраженное воспоминаниями главного героя о своём детстве и юношестве: мальчик получил образование, однако был сослан на «трудовое перевоспитание», таким образом расплатившись за то, что он – сын предателя родины. Героиня предыдущего рассказа, отвечала за ложное обвинение матери, однако в данном рассказе расплата сына за деятельность отца заслуженная, ведь автор изображает отца Сюй Линцзюня капиталистом, эмигрировавшим за границу и предавшим своего сына. Автор изображает нравственный конфликт двух поколений: сын выбрал отечество (каким бы оно ни было), а выбор отца пал на эмиграцию.

Отношения между некогда близкими людьми автор описывает следующим образом: «Радость от долгожданной встречи сменяется осознанием того, что «приезд отца лишь всколыхнул горькие воспоминания, нарушил покой» [3]. Чжан Сянлян показывает, как возникает отчуждение между родными людьми, говорит о долгой разлуке, попутно описывая уровень жизни двух мужчин: «Дорогая гостиница в Пекине, где поселился отец с сопровождающей его молодой мисс Сун, фешенебельные рестораны, ночные клубы и магазины – обыкновенные атрибуты жизни для старшего Сюя» [3], в то время как его сын всю жизнь прожил в унижениях и нищете. Герой осознаёт причину пропасти между ним и его отцом: их разделяет «простой труд, тяжкий и одновременно радостный» [3]. Стоит отметить, что испытания, через которые прошёл Сюй-младший не сделали из него отрицательного героя, ведь он любит то, что делает.

Помимо искренней любви к труду и чистому деревенскому воздуху, Сюй Линцзюнь любит и свою жену: «После появления в доме Сюй Линцзюня девушки по имени Сючжи, в комнатах стало светло и чисто, а в его жизни – радостно и спокойно» [3]. Автор возлагает на Сючжи большие надежды: «Сючжи стала спасителем его души и тела» [3]. Данная цитата отсылает к названию данного рассказа, которое, нельзя не отметить, достаточно философично и может быть истолковано читателем по-разному. Образ отца выражает то физическое, что есть в любом человеке (стремления к удовлетворению в первую очередь потребностей тела), а сын то моральное, что присутствует в любом человеке (духовные искания). С другой стороны, сын приходит к духовному успокоению именно через собственное тело, однако не через удовольствие, а путем испытаний, поиска сопричастности телесного начала с началом природным, через физический труд и преодоление самого себя.

Несмотря на внешнее сходство, духовно отец и сын вовсе не близки: «Два родных по крови человека, пройдя совершенно разные жизненные пути, оказались по прошествии стольких лет чужими друг для друга людьми. <...>. Герой был не в состоянии принять те ценности, которые исповедовал отец» [3].

Сюй-старший предлагает сыну вырваться из этого мира, в котором, по его мнению, «всегда будет важно семейное происхождение, не прекратится классовая борьба, жить будет трудно» [3]. Он искренне не понимает отказа Сюй Линцзюня покинуть страну, которая принесла ему много горестей, однако без них, как считает Сюй-младший, «трудно понять цену счастья» [3]. Сюй Линцзюнь осознаёт, что отец – часть чужого, непонятного мира, он также понимает, что с отцом его теперь связывают только воспоминания детства: «Внешняя близость не может устранить духовную отдалённость» [3].

Второй временной пласт данного рассказа – прошлое. Приём ретроспекции помогает раскрыть и изменения внутреннего мира главных героев. Посредством воспоминаний о прошлом, можно проследить процесс самоидентификации Сюй Линцзюня.

В рассказе больше внимания отведено изображению духовных исканий Сюя-младшего. Автор предпринимает попытку погрузить читателя во внутренний мир своего героя, показать процесс поиска истины и ответить на вопрос о том, где же всё-таки лучше. Сюй Линцзюнь прощает предавшего его в раннем детстве отца, пытается понять причину его поступка, найти ему оправдание, хоть Сюй-старший в этом и не нуждается. Герой остаётся с Сюй Чжи и их ребёнком, так как понимает, что нет ничего важнее семьи. Именно семья является самой главной ценностью и ориентиром в его жизни.

Таким образом, в рассказе Чжан Сянлян изобразил жизни двух близких по крови и одновременно далёких друг от друга людей. Рассказ содержит в себе как основные черты «литературы шрамов», так и «литературы дум о прошедшем» (о чём можно говорить по эпизодам встречи отца и сына). Проблема предательства по-прежнему актуальна, главный герой проходит программу «трудового перевоспитания», оказывается на пике бессилия и поднимается до уровня относительно спокойного восприятия своей жизни (благодаря Сючжи и искренней любовью к тому, что он делает). И хотя герои приходят к примирению, необходимо оно лишь для того, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту и продолжить жить дальше. Каждый своей жизнью.

В рассказе Шао Хуа «Письмо» события разворачиваются в период с 1958 года по декабрь 1978 года, то есть до III пленума ЦК КПК, который в данном рассказе назван как «весна в политике» [4].

Главный герой – Чжун Шупин – заместитель секретаря бюро горкома. В 1959 году его признали «правым уклонистом». Причиной этого стало письмо, которое он написал в ЦК: «Называлось оно «Предложение об изменении порядка выборов» [4]. Автор указывает на существующие в системе проблемы в лице руководителей, которые не соответствуют занимаемым должностям, предлагает изменить систему избрания руководителей на местах. Из-за письма герой впервые подвергается критике, с ним перестали здороваться коллеги, отвернулись друзья. Вместе с недоверием со стороны руководства к герою приходит чувство одиночества.

Однако политическим преследованиям подвергся не только Чжун Шупин, но и его руководитель: «Испытанный принцип нашего Чжэн Хуайчжуна «топи других, спасай себя» на этот раз ему не помог. Его самого

объявили «каппутистом» [4].

Стилевая особенность данного рассказа – психологизм, который проявляется в использовании автором приёма внутреннего монолога. Герой пытается решить, что ему делать с черновиком письма, а решив не уничтожать его, Чжун Шупин вынужден на протяжении двадцати лет скрывать.

Ключевым моментом рассказа является командировка Чжун Шупина в Пекин. Он встречается с семьёй, близкими друзьями, и ему выпадает возможность ознакомиться с только что изданным документом «О некоторых нормах внутривластной политической жизни»: «Я внимательно прочел его дважды. Там было записано все, что мне хотелось сказать по поводу нашей внутривластной жизни за последние двадцать лет» [4]. Несмотря на сходство предложений героя с прописанными в новом документе, на местах инициатива и инакомыслие встречали жёсткий отпор, что проявлялось в именных дацзыбао, гонениях и в унижениях со стороны высоких должностных лиц: «Если бы в самом деле выбирали так, как ты предлагаешь, разве мог бы Линь Бяо с «четверкой» бесчинствовать столько лет?» [4] Однако издание нового документа с декларированием новых путей развития государства и реакция главного героя доказывают, что представления Чжун Шупина о развитии страны совпадают со взглядами партийных руководителей, а все те гонения и чистки, которым он ранее был подвергнут, – оплошность его начальства

Чжун Шупин изучает труды Ленина и Маркса, пытаясь понять, в чём он не прав, однако ничего предосудительного в своих мыслях он не видит. Это ещё раз доказывает, что герой был прав, и, отправляя своё письмо в ЦК, он действовал исключительно на благо страны. Даже испытывая страх, что письмо вернут обратно и оно попадёт в руки начальника, герой всё равно не осмелился уничтожить его.

Можно сказать, что опубликованный в Пекине документ «реабилитировал» Чжун Шупина, хотя он в этом не нуждался. Вместе с этим к нему меняется отношение остальных подчинённых и руководства бюро.

В рассказе отчётливо проявляется авторский взгляд на достаточно сложный историко-политический период. Шао Хуа изображает жизнь не только Чжун Шупина, но и других людей, выступивших с предложением об изменении организации государства. Автор подробно описывает злоупотребление полномочиями руководящих лиц, а также отношение общества к невинно осуждённым. Бескомпромиссное отношение к инициативе со стороны руководства погубило немало судеб, однако вины оно не испытывало («...Чжэн говорил об этом со слезами в голосе – но о том, как сам травил других, не проронил ни слова, словно уж кто-кто, а он всегда и во всем был прав» [49]). Основная мысль финального выступления главного героя – то, что делали с людьми за их мысли – преступление. Нельзя не обратить внимание на духовную составляющую внутреннего мира героя, который хочет служить государству во благо, избавить его от руководителей, которые лишь критикуют и «прорабатывают» своих подчинённых.

Одна из уникальных особенностей «литературы шрамов» – попытка авторов раскрыть внутренний мир своих героев, отразить их морально-нравственные ценности и духовные искания, так как ранее в литературе партийным руководством была задан вектор изображения героя «графаретным», безличным и выполняющим поставленные перед ним цели, а потому в изображении внутреннего мира, переживаний и собственной индивидуальности не нуждался.

Герои рассмотренных произведений находят новые ориентиры в жизни путём преодоления своих недостатков (гордость и цинизм героини рассказа «Шрамы»), через прощение и понимание поступков самых близких людей (поступок отца в рассказе «Душа и тело»), а также через преодоление собственных страхов (страх стать жертвой политической чистки в рассказе «Письмо»). Каждый из героев, пройдя через духовные искания, находит путь в счастливое будущее, прощает себя и своих близких.

Как отмечают китайские критики, «литература шрамов» является реакцией авторов на события «культурной революции» и имеет немалый вес в культурном наследии Китая, они стали «считаться вехами, положившими начало “литературе нового периода”» [2].

Список использованной литературы

1. Ивлев, Л.А. Десять абзацев о “литературе шрамов” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov>. – Дата доступа: 15.10.2022.
2. Хун Цзычэн. История современной китайской литературы (перераб. изд.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=2630536>. – Дата доступа: 16.10.2022.
3. Чжан Сяньлян. Душа и тело. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.e-reading.life/chapter.php/1046747/83/sovremennaya-novella-kitaya.html>. – Дата доступа: 10.10.2022.
4. Шао Хуа. Письмо. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://coollib.com/b/429578/read>. – Дата доступа: 15.10.2022.
5. 卢新华. 伤痕 // 中华人民共和国五十年文学名作文库 (1949-1999). 短篇小说卷 (上). 主编: 陆文夫, 副主编: 崔道怡. 作家出版社. 卢 Синьхуа. Шрамы // Библиотека лучших произведений литературы за 50 лет КНР (1949-1999 гг.). Сборник рассказов (Том 1). Ред. Лу Вэньфу, замред. Цуй Даои). – Пекин, 1999. – 682 с. – С. 385–393.

Д. А. Хмельницкая,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

СООТНОШЕНИЕ АВТОРСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В КИТАЙСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В данной статье рассмотрено соотношение авторской и национальной картины мира в контексте традиции заимствования на примере классической и современной китайской литературы. Использование ранее созданного текста является исторически сложившейся нормой текстопорождения и позволяют ретранслировать национальную картину мира. Многократное использование одних и тех же образов, их широкая узнаваемость позволяют говорить о превращении персонажей классических произведений в этнокультурные образы, при этом различная трактовка событий и персонажей наделяет их авторской индивидуальностью.

Ключевые слова: авторская картина мира; китайская литературная традиция; национальная картина мира; этнокультурный образ.

D. A. Khmialnitskaya,

Master Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

CORRELATION BETWEEN THE AUTHOR'S AND THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN THE CHINESE TEXTS

Abstract. The article examines the correlation between the author's and the national picture of the world in the context of the tradition of borrowing on the example of classical and modern Chinese literature. The use of previously created text is a historically established norm of text generation and allows reflecting the national picture of the world. The repetition of the same images and their wide recognition allow to talk about the transformation of the classical works' characters into ethno-cultural images, while the different interpretation of events and characters fills them with the author's individuality.

Key words: author's picture of the world; Chinese literature tradition; ethno-cultural images; national picture of the